

Обещанная
МЕДВЕДЮ
ВЕРНУТЬ ВЕДЬМУ

Анна Владимирова

Анна Владимирова
Обещанная медведю.
Вернуть ведьму
Серия «Обещанная», книга 2

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68455159

Аннотация

Я сбежала от него год назад, чтобы никогда не вернуться. Я предала и бросила, прекрасно зная, что стала для оборотня избранной. А еще – я скрыла от него то, что скрывать нельзя. Но за все нужно платить. И теперь, глядя в глаза того, перед кем виновата, я думаю только об одном – он узнает обо всем и никогда не простит...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	38
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Анна Владимировна
Обещанная медведю
Вернуть ведьму

Обложка: обработано художником Кристина Логоша

* * *

Пролог

Не верилось, что мне удалось.

Я закинула единственный чемодан в подъехавшую машину, не дождавшись помощи водителя, прыгнула в салон на заднее сиденье и приказала хрипло: «Поехали!» Но еще долго, обернувшись, не могла оторвать взгляда от подъезда.

Успела. Удалось...

Когда машина вывернула со двора, я прикрыла глаза и сползла спиной по сиденью, выдыхая. Сердце дергалось в груди загнанной крысой и будто и правда собиралось выцарапаться в горло.

– Хлебните, – послышалось вдруг с водительского.

Я открыла глаза и еле навела резкость на протянутой мне металлической фляге. Но даже не успела подумать, как схватила ее и сделала жадный глоток. К чертям.

Напиток воспалил горло и обжог небо, но я даже не пискнула. Кое-как вдохнула и вернула флягу:

– Спасибо...

– Пожалуйста.

У меня пиликнул мобильный... сообщением о том, что такси подъезжает. Я сглотнула прыную слюну и подняла глаза от экрана в зеркало заднего вида, пытаюсь поймать взгляд водителя.

– На такси вы бы не успели сбежать, – не отказал он мне

во внимании.

– Кто вы? – прошептала я, пытаюсь усесться, но тело не слушалось. Меня развезло в момент. – Чем вы меня напоили?

– Ничего такого, просто хорошая успокоительная настойка. Я не враг вам.

– Куда... – Язык едва ворочался. – Куда мы... едем?

– Туда, куда вам сейчас нужно больше всего...

Глаза закрывались, и я стряхивала сонливость из последних сил, мотая головой. Идиотка. Так мне и надо. Думала, удастся убежать. Но, видимо, удача окончательно отвернулась от меня...

– Скоро попустит, – хрипло усмехнулся водитель.

– Смешно вам, – выдохнула я укоризненно.

– Простите, не хотел вас обидеть. – Он обернулся, и мне удалось рассмотреть его.

Мужчина под пятьдесят с уставшим взглядом и узкими губами. Говорил он нехотя. Работа, видимо, такая.

– Вы ведьмак, – усмехнулась я.

Язык начал шевелиться, но в горле страшно драло.

– Очевидно, – не поощрил он мои умственные способности.

Отвернулся и мягко надавил на газ. На его лице проскакали зеленые отсветы светофора, а по рукам пробежались кислотные пятна какой-то неоновой вывески.

– Зачем я вам?

Он снова усмехнулся:

– Я не собираю своих пассажиров. Просто вы сейчас должны быть в другом месте.

– Откуда вам знать? – процедила я.

– Дар у меня такой, – пожал он плечами. – Знать, когда не знаете вы.

Я пошевелила пальцами, потеряла ладонь о ладонь – опьянение отпускало. Дотянувшись до ручки двери, я подергала ее, но та оказалась заперта.

– Не стоит, – неодобрительно заметил ведьмак. – Вы уже забежали в такую яму, что осталось только ногами затолкать, правда?

Я оцепенела, шумно сглатывая.

– Как раз собралась выбраться, – выдавила.

– Знаете, если за вами приехал я, то план был так себе.

И он свернул в какой-то узкий переулок. По обеим сторонам замелькали припаркованные машины. А у меня сдали нервы:

– Выпустите меня сейчас же!

– Уже скоро, не кричите. – И он вдруг так ударил по тормозам, что меня бросило в спинку переднего сиденья. – Проскочил, извиняюсь.

Машина сдала назад и снова резко затормозила. Водитель тут же вышел, а я, не теряя времени, начала дергать ручку и колотить в двери. Когда замок щелкнул, и меня, наконец, выпустили наружу, я выскочила из салона опрометью и раз-

вернулась, тяжело дыша:

– Я на тебя в суд подам! – И такая злость накатила, что я глупо топнула ногой. – Мне в аэропорт надо! Я такси вызывала!

– Леди, у меня редкий дар – привозить всех туда, куда им на самом деле надо, – улыбнулся мне водила и вдруг глянул куда-то за мое плечо.

А за спиной вдруг раздалось рычание. Слишком знакомо, вкрадчиво и продирающе... Я думала, у меня сейчас сердце остановится от шквала эмоций, который рождал этот звериный шепот. А еще запах... Я даже не успела еще осознать, что он знаком до боли, а в душе уже разверзлась бездна тоски и ужаса.

Не может быть. Это невозможно...

Я медленно обернулась и тут же попала в плен взгляда, который снился каждую ночь.захотелось сразу все – развернуться и бежать, а лучше – кинуться на шею мужчине, стоящему передо мной, сдаться и умереть. Потому что он не простит. Я видела во взгляде. Он ничего не забудет. И не отпустит больше.

Где-то в чужом теперь мире послышался тихий шорох шин отъезжающего такси со странным ведьмаком, но ко мне это уже не имело никакого отношения. Моего мира не стало. И Давид только подтвердил это, рывком хватая меня за горло и притягивая к себе:

– Дрянь... – прорычал в губы и с такой силой сжал пальцы,

что перед глазами потемнело.

Я схватилась за его запястье обеими руками и раскрыла рот, хватая воздух. Щеки обожгло горячими слезами, а душу проморозило от взгляда, устремленного на меня. Где-то глубоко внутри я кричала, боролась и вырывалась из хватки, но снаружи сдалась.

Жизнь избивала меня весь этот год без него и, видимо, решила прибить его руками. Цинично. Я никогда не могла сопротивляться Давиду. Такому, как он, можно только подчиниться, сдаться и сделать все, что скажет. Тем более что я его предала, бросила и сбежала.

Давид разжал пальцы, но на колени упасть я не успела – он подхватил под руку и дернул за собой, втаскивая меня в знакомое здание. Перед взглядом крутанулся калейдоскоп электрических ламп, смазались в одну линию кабинеты с табличками, и он втолкнул меня в темноту. Но не успела я запаниковать, как загорелась лампочка, обнаруживая маленькую комнату – стол, пара стульев...

Хлопнула дверь, и Давид снова перехватил меня за горло, прижимая к себе спиной.

– Метки свела, – зло усмехнулся в шею и вдруг прижался к ней жесткими губами, замирая.

Стало дико страшно. Я шумно сглотнула в тишине, но тут же задохнулась от неожиданного рывка на горловине моей футболки.

– Давид! – вскрикнула я в испуге. – Не надо!

Глупо, но память не вовремя напомнила, какой защищенной прежде я чувствовала себя в его руках.

– Да я бы с радостью! – прорычал он, сдирая с меня лифчик и оставляя горящие следы на коже от лямок. Но его слова хлестали жестче. – Посадил бы тебя сначала в камеру, потом отдал под суд за кражу вещдоков, а потом упек в тюрьму! Только ты, сучка, пробралась под кожу...

И комната наполнилась страшной тишиной, в которой он – уверена – пытался прийти в себя. Я дышала загнанно, жмурилась на тусклую лампочку под потолком... и задержала дыхание, когда его ладонь накрыла голую грудь:

– Какого же черта, Слава...

Показалось, что ему удалось успокоиться, и что он стал прежним. Его руки расслабились, и я всхлипнула:

– Давид, я не хотела, – залепетала так, будто он нож к горлу приставил. – Я... я просто... не могла по-другому...

Его руки дрогнули, а от стен отразилось глухое рычание и скрикошетило в солнечное сплетение. Я захлебнулась воздухом, когда он небрежно дернул молнию на моих джинсах и рванулся рукой в трусы. По горлу знакомой дорожкой побежало обжигающее заклятие безмолвия – Давид блокировал мою силу. А между ног вжимались его жесткие пальцы, не оставляя выбора, кроме как подчиняться. Я раскрыла широко глаза, но ничего не видела перед собой, цепenea в его руках. Я металась между попытками понять его и желанием перегрызть ему глотку.

Оборотень, который выбрал пару, не может ждать долго и не сходить с ума. Но только не этот. Мне казалось, Давид справится и забудет. Не простит, конечно, но точно не будет убиваться. Он и не убивался. Он убивал меня – жестко двигал рукой, вынуждая унизительно глотать стон и сжимать ноги. Пользовал меня, как шлюху, заставляя забыть о том, как было прежде.

Когда его руки исчезли, я замерла на вдох, оставшись в тишине на несколько ударов сердца, но он вернул ладони на пояс моих джинсов и сдернул их до самых коленей.

– Не надо, – моргнула я на искаженную тень на стене. Та причудливо корчилась в свете лампы, но слышать меня не могла, как и мужчина позади. – Давид, не надо!

Касания его пальцев на горле могли показаться нежными, но голос остудил эту надежду:

– А что надо? – зарычал он глухо мне в затылок, вжимаясь членом между ног. – Отпустить тебя? Пристрелить? Что, Слава?..

И он рванулся в меня со злостью, до упора, не давая привыкнуть. Я вскрикнула и сжала ноги, но это только обострило ощущения. В груди защекотало, ошпарило ступни кипятком, и меня бросило в пот. Сердце задергалось, как и я в руках Давида, а он продолжал безжалостно вжиматься бедрами в мои, заставляя захлебываться собственным протестом.

С каждым его движением что-то рассыпалось внутри на части, которые уже не собрать. По щекам лились слезы. Я

царапала слабыми пальцами его руки и в то же время, понимала, что они – самое правильное место, в котором мне когда-либо надо было оказаться. Я тоже не жила. Бежала куда-то, лишь бы подальше, не оглядываясь и не вспоминая. Но по счетам придется платить. Глупо было полагать, что моя удача будет бесконечной...

Только даже я не представляла, насколько она меня подведет...

Давид двигался все сильнее, прижимая меня к себе за горло. В кожу уже впивались когти, а не пальцы, а рычание над ухом закручивало тугую пружину страха в желудке. Только, когда она вдруг рухнула вниз живота и развернулась горячей дрожью, коленки подогнулись... а в шею будто ударили с размаху чем-то раскаленным. Меня тряхнуло, в горле застыл крик, а вдоль позвоночника скатилась горячая капля.

Я судорожно всхлипнула, слабо соображая, а Давид ослабил хватку и прижался к шее губами. Он все еще был во мне, старательно зализывая рану, а мне показалось, что я потеряла сознание, хотя перед глазами так и корчились тени на уродливой стенке.

– Что ты сделал? – прошептала, когда ко мне вернулась способность шевелить губами.

В горле пересохло от крика, а в душе все выгорело от страха.

– Взял тебя в жены, – зло процедил он, опалая кожу горячим дыханием. – Такая метка не сводится, Слава... А мне

будет проще защитить тебя от тюрьмы.

– Зря, Давид, – прикрыла я глаза, изо всех сил стараясь не разреветься.

– Хуже не будет.

Он отстранился, небрежно дернул мои трусы вверх, потом джинсы. А я стояла, не шевелясь. Казалось, стоит выпрямиться, и я закричу.

Это я во всем виновата. В этом его холодном безразличии, в котором он злился на каждую эмоцию и вымещал злость на мне. Но почему теперь, когда захотелось тепла, кожа почти ощутимо рвется от ледяных лезвий в его голосе?

– Поедешь ко мне.

И тяжелая куртка упала на плечи вместо точки, придавив и размазав меня окончательно.

Глава 1

Я развернул Славу к себе, встречая ее сломленный взгляд, и замер. Не успел даже рассмотреть ее толком, а теперь и смотреть уже будто не на что – растерзал ее с голодухи, как безумец. Да и не мог я на нее смотреть. Хорошая, как прежде, даже лучше. А теперь так вообще взгляда не отвести. Но я все же смог. Опустил глаза на молнию куртки и застегнул ее, пряча свою ведьму от всего мира.

Моя ведьма. Моя...

Дрянь...

Захотелось вздернуть ее за запястья прямо здесь и выпороть ремнем за все. Но, кажется, даже спасая свой разум и животную часть себя, я наломал дров не меньше нее. Нельзя было так. Только поздно. Если переломаяю, то нас обоих. Ее не отпущу.

В голове выли сирены, и все мигало красным, пульсируя кровью перед глазами, но холодный разум четко строил планы: «Стереть записи камеры наблюдения, поговорить с дежурным и приказать молчать об увиденном, захватить чемодан Славы с улицы...»

Я запер ее в допросной, быстро поговорил с дежурным и вернулся. Слава за это время сползла по стенке и сидела на полу, уязвимо обняв коленки, прижатые к груди.

– Пошли, – приказал я, взял ее под руку и поставил на

ноги.

Ведьма пялилась перед собой, не реагируя. Послушно переставляла ноги, цокая каблуками, и я непроизвольно опустил взгляд...

...Как мне нравились ее ноги! Я с ума сходил, когда видел ее голые ступни. Да и сейчас вид ее ног в джинсах на высоких каблуках нейтрализовал ту призрачную сытость, на которой я планировал добраться до дома. Я подхватил свободной рукой чемодан на проходной и потащил вместе с девушкой к машине. На улице Славка ожила и уперлась предметом моей слабости, отказываясь идти:

– Пусти меня! – потребовала, вырываясь.

Я выпустил и замер, хмуро глядя на нее сверху. Даже на каблуках она была ниже меня на голову. И это заставляло больше думать о том, как спрятать ее за пазуху, а не выпороть. Злость проходила, потому что зверь видел – эта женщина теперь надежно его. Блок на шее, брачная метка – там же... Где захочется, там и возьму. А хотелось все сильнее.

– В кого ты превратился?! – просипела Слава, толкая меня в грудь и тем самым прерывая поток эгоистичных мыслей.

Я молчал, хмуро глядя на нее. В ее взгляде было слишком много всего. Надо было лучше смотреть. Ошибся я. Сильно.

– Если так нужен сейчас, почему не пришла раньше? – тихо потребовал я, хватая ее за шею и притягивая ее к себе.

– Меня не было в Москве! – дернулась она, так некстати подставляя мне снова голую шею.

Не отрицала, что нужен. Но сама в лапы не пойдет.

– Хороша причина, – процедил я и тяжело сглотнул, пытаясь контролировать жажду вцепиться в нее зубами.

– Я не могла по-другому! – взвыла она, дрожа. – Если бы ты знал!..

– Так расскажи! – вскричал я.

Тихим шепотом всего не выплеснуть. Хотелось орать, трахать, хлестать по щекам и так по кругу.

– Не могу! – толкнула она меня сильнее. Слишком больно я сделал. – Ты не смог бы меня спрятать! Влез бы в петлю сам, и тебя бы на ней вздернули!

– Лучше бы вздернули, чем год без тебя! – прорычал ей в лицо.

Не планировал обвинять ее в чем-то, но что делать, если все, что между нами осталось – только обвинение и обида?

Она принялась лупить меня в грудь, сначала поскуливая и всхлипывая, но уже вскоре полноценно рыдая. Я переживал. Это не все было про меня. Понятия не имел, где ее носило, но ей было паршиво. Когда она вцепилась пальцами в мою футболку и подняла глаза, я понял, что мы нескоро достанем до дна всего того, что в них плескалось.

– Ненавижу тебя! – выдохнула она и шмыгнула носом.

– Что так? – усмехнулся я зло. – Ты, наконец, собиралась стать счастливой, а я помешал?

И я потряс чемоданом в другой руке. Тяжелый, зараза!

– Собиралась!

– Да ладно?! – оскалился я, теряя снова терпение. – Без меня? Брось, Слава! Некоторые ведьмы не умеют врать определенными частями тела!

– Да пошел ты! – скривилась она.

А я замер, переживая еле переносимое желание усадить ее на ближайший капот и отодрать со всей страстью под светопреставление сигнализации.

– Я никогда не обещал быть идеальным, – тихо прорычал, поймал ее руку и вернулся на прежний маршрут.

Хорошо, что она начала кричать на меня. Аж отпустило. Значит, и ее отпускает. Но как же это все далеко от «жили долго и счастливо»... Ну вот за что мне это? Почему именно эта ведьма с этими несносными ногами?

Я усадил ее на переднее сиденье, закинул чемодан назад и обошел свой джип, чтобы усесться за руль.

– Ты мне расскажешь все. – И я завел двигатель.

– Ничего я тебе не расскажу, – уткнулась она в окно. – Хочешь – посади меня.

Я промолчал, зло выкручивая руль.

– Я знаю, кого ты спасала, – глянул на нее.

Ведьма скосила на меня взгляд, подобралась и отлипла от окна:

– И?

– Мать. Она проходила по делу свидетелем. Но документы, которые ты украла, видимо, могли сделать из нее организатора.

Слава покривила губы, но снова упрямо отвернулась:

– Не лезь, Давид.

– А у мамы твоей такой же дар – сбегать и путать следы.

Я ее тоже не нашел.

– Повезло.

– От кого сегодня сбегала ты?

Слава устало откинулась на спинку кресла и обняла себя руками:

– От нее, – выдала она вдруг неожиданное.

– И почему же?

Она заморгала на яркий свет фонарей, когда я вырулил из проулка на большой проспект.

– Просто не могу больше, – нахохлилась. – Она не подарок.

– Она и не должна им быть, – нахмурился я, провоцируя.

– Не должна быть такой! – возмутилась Слава, поворачиваясь ко мне. – Ей все мало!

– Чем больше, тем безопасней.

– Смотря чего! Ты же знаешь, какую жизнь я вела, Давид. Как это может быть безопасней?!

Хотелось потребовать, почему она не спросила это у меня год назад. Но, к сожалению, всему свое время. Я старше Славы на двадцать лет. Но эта ведьма притягивала не только ногами. Она вела отчаянную опасную жизнь. Шла на поводу у дара, а теперь становилось понятным, что еще и у матери, ради которой рисковала сесть в тюрьму. Но все чаще я видел

в ней маленькую девочку, которая научилась высекать огонек пальцами. Она игралась со своим даром, как с огоньком, долго не представляя, насколько опасным тот может быть.

Последний год я шел по остывшим следам прошлых ее преступлений, собирая портрет своей ведьмы по частям. Это зверю плевать, что было до. А мне ничего не оставалось, кроме как собирать пепел и согревать себя остатками его тепла...

– Я давно не живу с ней. – Голос Славы стал слабым и неуверенным. – Не стоило и начинать.

А я смотрел на дорогу и вспоминал, как впервые увидел Славу в участке. Она сидела на обшарпанном кресле в коридоре перед каким-то кабинетом, сложив ногу на ногу. Длинная юбка скрывала почти все, но то, что осталось, будило воображение гораздо эффективней. Я прошел мимо, глядя в мобильный, и только боковым зрением цепляясь за изящный подъем стопы в бархатной лодочке на каблуках. Такое в участке нечасто показывают. А еще запах... Слава изучила обо мне все, что могла, прежде чем полезла под кожу.

– И что же сделала мать? – глянул я на нее.

– Много всего, – глухо выдавила она и снова отвернулась. – Я больше ничего тебе не скажу.

– Плохо ты меня изучила. – Всегда мечтал сказать ей это и доказать.

– Я не планировала стать твоей избранной, – снова обернулась она.

– Ну кто такое может планировать? – усмехнулся я зло, надавливая на педаль. Пустынные ночные улицы были весьма кстати для разгона автомобиля и собственных эмоций. – Ты думала, я просто так на тебя поведусь?

– Лучше бы нам не встречаться больше.

– Не тебе это решать, – огрызнулся я.

– Моя мать – очень влиятельная ведьма, Давид. А ты сейчас переходишь ей дорогу. Она не отдаст меня тебе. У нее на меня далеко идущие планы!

– Ты замужем за мной, – спокойно напомнил я.

– Не помню, чтобы ты стоял передо мной на колене и просил выйти за тебя!

– Не до этого было – тюрьма по тебе плакала! – рыкнул я.

– Она продолжает рыдать! – хлопнула по парпризу ведьма. – Мы женаты только по твоим законам! А тюрьма плачет по общим!

– Ты бы выучила законы прежде, чем их нарушать!

– Мне раньше не надо было! У меня был дар сбегать раньше, чем эти законы ко мне кто-то смог бы применить!

– И куда же он делся?

– Нет его больше! Доволен?! Я стала ни на что не способна, как только сбежала от тебя!

Я промолчал.

– Поэтому можешь снять свой ошейник, – усмехнулась она, отворачиваясь к окну.

Не сниму. Эта ведьма сможет затеряться даже за пазухой!

А я не могу больше верить и потерять – тоже.

До моего дома мы доехали в молчании. Насколько это вообще можно назвать молчанием. Ведьма часто дышала, кусала губы и всячески ерзала, то неуверенно сжимаясь, то расправляя плечи и вздергивая подбородок. Из машины я вышел, полный решимости вытрясти из нее все, что раздрает ее изнутри. От напряжения болела голова. Я вытащил чемодан, поставил возле калитки и направился за ведьмой. Слава послушно вылезла и даже руку мне дала, не дернувшись.

Здесь она уже была. Здесь же и украла документы...

Это я потом понял, что эта ведьма удивительным образом влияет на ход событий вокруг. Будут теряться вещи, глохнуть двигатели, сбиваться с пути таксисты, но все будет складываться так, чтобы задуманное сложилось нужным ей образом. Казалось бы, зачем я ей? Но ключевая персона важна, как оказалось. Это я вычислил, повстречавшись с некоторыми ее жертвами. Она не может просто протянуть руку и взять. Ей должны принести и положить те, кто связан с нужной вещью.

Тем вечером документы попали ко мне таким витиеватым образом, что сложно было вообразить. Их везли с одного края города на другой, машина попала в метель, накрывшую Москву так внезапно, что никто не был готов. Ребята попали в аварию, но, к счастью, не пострадали. И, удивительное дело – недалеко от моего района! Я бросился туда пешком, вытащил ребят и забрал вещдоки. Ехать в участок было чи-

стым самоубийством, и я отложил это до утра. Почитать то, что попало в руки, тоже не пришлось – мою постель в кои-то веки грела настолько желанная женщина, что я с трудом оторвался от нее на час и не собирался терять больше ни минуты.

Способности ведьм не изучены. На страже угроз для новых видов стоит особый департамент. И Слава скорее угодит туда, чем за решетку, как и некоторые другие редкие неизученные виды. Ее будут классифицировать и вычислять степень ее угрозы для общества.

Слава опасна. И меня это чертовски беспокоило.

Я и сам редкий экземпляр. Оборотень и ведьмак одновременно. Нас таких зарегистрировано всего трое. Но класс мой был признан безопасным, насколько оборотень вообще может быть безопасен. И даже выдали статус важного вида с всякими льготами и пожеланиями к продолжению рода. Смешно... Спасибо, что хоть не заперли в лаборатории и не заставили наполнять стаканчики биоматериалом. А вот знакомить меня с подходящими женщинами пытались. Но, к счастью, конвенция о свободе выбора все еще соблюдалась Высшими, и мне удалось унести ноги. Не уверен, правда, что на этом их попытки закончились. Ненавязчивые приглашения на всякие встречи-лекции-семинары я получал регулярно.

Только вот Славе такая история не грозила. Я не знал силу ее дара. Поставить блок мне удалось, но долго ли он ее удержит.

жит – понятия не имел. Верить ведьме на слово, что силу она утратила, я не собирался. Дар у нее специфичный. Может, цели не было подходящей после спасения матери. А захоти она сбежать от меня – неровен час, поскользнусь на ровном месте и шею сломаю.

– Ты все этот плющ никак в порядок не приведешь, – проворчала ведьма, цокая каблуками по дорожке.

– Теперь приведу, – усмехнулся. – Возьму отпуск и приведу. Что тебя еще не устраивает?

– Ты как в хлеву тут живешь, – нарывалась она. – В прошлый раз я не могла сказать, сам понимаешь...

– Понимаю, – не собирался ей потворствовать. – Не споткнись на ступеньках.

Пусть побесится. Так даже соблазнительней. Я поставил чемодан рядом с дверью и достал ключи, поглядывая на Славу, застывшую на пороге.

– Удобно, что ты сразу с чемоданом ко мне вернулась, – толкнул я двери и кивнул ей внутрь.

– И не говори, – вздернула она нос, входя в темноту прихожей. – Хоть не в твоих футболках позорных ходить. У тебя тут сдох кто-то? Или мусор месяц не выносил?

С губ едва не сорвался смешок – она меня заводила. Вернее, не меня – мою звериную часть. И медведь обалдел от такой несговорчивости строптивой сучки, вздумавшей воротить нос от его берлоги. Нехорошо. Будет толкать меня на новые ошибки. Но Славе только это и нужно – побольше по-

водов меня ненавидеть. Хочет, чтобы я срывался...

– Я тоже по тебе очень скучал, – прорычал я низко и коротко ткнул ей в затылок носом.

Она отпрянула от меня и принялась метаться по странству в поисках выключателя. Когда, наконец, зажгла свет, развернулась ко мне в полумраке гостиной:

– Не скучала я по тебе! – выпалила, тяжело дыша. – Я ненавижу тебя, Давид! Каждый день, что мы провели!..

А сама вжалась в стенку и мелко задрожала, глядя, как медленно приближаюсь к ней.

– Слава, то, что ты сделала, не стоит того, чтобы вынуждать меня тебя убить. – Я приблизился вплотную и посмотрел ведьме в глаза. – Или ты сделала что-то еще?

– Ничего, – глухо отозвалась она, сбегая взглядом. – Просто смысла не стало.

– Куда тогда бежала сегодня?

– Куда угодно, лишь бы подальше...

– Я все равно узнаю. – Попытался поймать ее подбородок, чтобы вернуть взгляд, но она мотнула головой, сбрасывая мою руку:

– Значит, оставь в покое, раз тебе есть чем заняться.

– Я сам решу, что мне делать.

Она все же подняла на меня глаза, но не выдержала моего взгляда. Врет. Что-то было еще. И не я ее сломал, как боялся. Но не все сразу.

Я оставил ее и направился в кухню.

– Есть хочешь?

Нормально тут пахло. Пустотой. Ни мусорного ведра, нидохлых животных не водилось. Так, затерялся под потолком запах вчерашнего кофе и табака – в прокуренных вещах, в которых я пришел.

– Курить. И выпить.

– А старалась казаться хорошей девочкой когда-то, – усмехнулся я.

– Ты разве не сразу меня раскусил? – Она прошла следом за мной и осмотрелась. – Пусто у тебя...

– Я тебя не кусал. – И я протянул ей пачку сигарет. – Курить на улицу. Выпить только после еды.

– У тебя нет еды, Горький. – И она облизала губы, вытаскивая сигарету из предложенной пачки.

– Сейчас закажу. Что хочешь?

– Я голодная, – требовательно начала она. – Очень. Что-то посытнее...

– Я не знаю тебя настоящую, – оперся я на столешницу с мобильным в руке. – Чего ты хочешь, Слава?

– Суши. Побольше лосося. Все чтобы с лососем – внутри и снаружи. И белое вино.

– Фрукты?

– Кумкват. Много. И черный чай с сахаром. А еще облепиховое варенье.

– Иди кури, – кивнул я ей в сторону двери, качая головой. Вино и облепиховое варенье! Ну-ну.

– А если сбегу? – усмехнулась она.

– Кто тебя, кроме меня, накормит кумкватом в три утра, Слава? – посмотрел я в ее глаза. – Иди.

– Я была с тобой настоящей, – вдруг заглянула она в мои глаза. – Ты просто не спрашивал тогда, чего я хочу.

Она сгребла из моей открытой ладони зажигалку и направилась из комнаты. А я слушал удаляющийся звук ее шагов, и казалось – моему дому вернули сердце, и теперь оно снова стучит...

* * *

Я вышла на крыльцо, прижалась спиной к стенке и сползла до пола. По щекам покатались слезы, в горле сдавило, и я сжалась, всхлипывая.

«Убьешь меня все равно... когда узнаешь», – подумала, упрямо чиркая зажигалкой. В том, что он все узнает, даже не сомневалась. Просто хотелось еще пожить...

И, может, побыть с ним. Прежним.

Давид не особо изменился. Я чуть деру не дала, когда увидела его впервые. Вернее, попробовала. Он появился в поле зрения, а меня всю пробрало до костей, и это не ради красного словца. Я никогда не чувствовала подобного. А тут – просто мимо прошел, а у меня по позвоночнику забегали колючие разряды. Что они хотели мне сказать? Я подумала, что надо бежать, но мать раскисла мне тогда в трубку. Никогда

не видела и не слышала ее такой раздавленной. Она впервые, казалось, по-настоящему во мне нуждалась, умоляла... Ведь у нее больше нет дара. Ведь она из-за меня его потеряла, обменяв на мою жизнь. А у меня еще был, и только на меня она могла рассчитывать.

Я вернулась в участок и уселась на стул как раз тогда, когда Давид выглянул в коридор из своего кабинета. От его голоса у меня едва ноги не подкосились, взгляд вообще смешал все внутри, и я рухнула ему в руки, запутавшись в юбке. Но уже тогда было понятно, что дар заработал, пусть и непривычно – Давид повелся на меня, как и десяток мужчин до него...

... Только прежде не велась я.

Шмыгнув носом, я затянулась сигаретой и прикрыла глаза. Наверное, мне действительно хотелось к нему обратно. Но не так. Не после всего. Вот если бы отмотать назад, забыть про эти документы...

Кого я обманываю? Повторись сейчас все это, я бы не смогла бросить мать. Даже после всего, что она сделала и кем явила себя.

Мне нужно переставать спасать кого-либо. Это не мое. Надо как она – холодно использовать всех и вся.

Когда в кармане запиликал мобильный, я тяжело сглотнула и ответила на входящий.

– Привет, Сю...

– Привет, Кнопа. Ты уже в самолете?

– Нет, Сью...

И я расплакалась.

– Стася, что случилось?! – сразу взорвался ее голос беспокойством.

Сюзанна была единственным по-настоящему близким мне не-человечком. Боевой подружкой, которая обогреет и примет в любом состоянии, с чем бы я ни пожаловала на ее порог.

– Стася, куда мне мчаться?!

– Никуда. Я у Давида.

– Как?..

– Сама не понимаю. Таксист привез. Что-то с даром моим совсем беда. Прямо ему в руки...

– Стася, он тебе больно сделал? – воинственно засопела в трубку Сью.

Хороший вопрос.

– Я была первой.

– Куда мне ехать?! – рявкнула она. – Он домой тебя увез?

– Сью, никуда не надо ехать. Просто я не улетела...

– Все равно найду его адрес!

Она и правда могла – связей у нее хватало.

– Давай завтра поговорим, – отрезала я окрепшим голосом. – Не надо все усложнять. Я разберусь.

– Стась, когда дело касается этого оборотня, ты разбираешься плохо! Ты не знаешь, что от него ждать!

– Он меня замуж взял, – привела я контраргумент, сма-

живая пепел с невостребованной сигареты.

– Что? – опешила подруга.

– Ага. Вот так – с порога...

– Эк его приложило... Но ты же понимаешь, что это не особо взвешенное решение?

– У него было время взвесить – я год от него скрывалась.

– Ты его оправдываешь! Не надо!

– Никого я не оправдываю. Я его использовала. Надо нести ответственность, Сью. Разве нет?

– Кому-то, может, и надо, – согласилась внезапно она. – А кому-то надо этого ответственного спасти. Называй адрес!

– Прости, дорогая. Не надо. Я тебя наберу завтра.

Я отбила звонок как раз, когда к калитке примчался доставщик с коробками.

– Вы еду заказывали? – отчаянно возопил он.

Двери в дом открылись, и из них вышел Давид. Бросил на меня взгляд, едва я успела растереть слезы по щекам, и сбежал по ступенькам. Пока он забирал пакеты, я выпрямилась, но зайти в дом не успела – залипла на фигуре мужчины в ночной дымке. Он, кажется, усмехался быстрому рассказу доставщика, как тот уперся в кладбище и уже собирался задать стрекоча, когда увидел светлячка в тумане. Им оказалась моя тлеющая сигарета...

А я смотрела на усмешку Давида, понимая, что мне он так уже нескоро улыбнется. Вернее, никогда. Стало горько. Я вдруг поняла, что Давид был мужчиной моей мечты. Та

неделя, что мы провели вместе год назад – идеальными отношениями, о которых я мечтала. Мне несложно было дурить ему голову, изображая из себя невинность. Я стала ею в его руках. Потому что играть не выходило. Ему это не было нужно.

– Пошли? – кивнул он мне на раскрытую дверь.

– Окурок куда деть? – вздернула я бровь. – Так-то я обычно сжигаю. Но ты все запретил...

Он раздраженно взял его из моих пальцев и сжег, стряхнув пепел на пол:

– Заходи, – повторил с нажимом.

– Я все хотела тебя спросить, – проследовала я за ним в кухню, – ты же теперь знаешь обо мне многое... Никогда не думал, что твой выбор – всего лишь следствие моего дара?

Я оперлась плечом на стенку, глядя, как он разбирается с пакетами.

– Это уже неважно, – непоколебимо констатировал, вытаскивая вино из бумажного.

– Как это? – усмехнулась я сипло. – Ты бы не влюбился... Все твои чувства – иллюзия. Я обманула тебя и твое звериное чутье и заставила себя хотеть...

– Тебя несложно хотеть, Слава, – возразил он спокойно. – Может, мать тебе вбивала в голову другое, но ты очень привлекательная сексуальная женщина. В день, когда ты заявила в участок, тебя хотели все мои холостые опера... А, может, и не только холостые...

Я снова задышала чаще, пробуя усмехнуться, но не вышло.

– ...И сейчас я тоже тебя хочу, но дара у тебя уже нет, – продолжал он, выкладывая роллы на тарелку.

– Разве не выбор тому виной? – упрямо потребовала я.

– Я наполовину ведьмак, помнишь? Не все в моем поведении диктует зверь. – И он принялся к итоговому блюду. – Свежие. Кумкват мыть?

– Мой, – нахмурилась я раздраженно.

Хотелось вывести его из себя, но он не позволял.

– Садись.

– По-моему, ты просто трус, потому что не хочешь посмотреть правде в глаза, – отчеканила я. – Я тебя не люблю. И ты меня – тоже. Все, что у тебя ко мне есть – это больная животная прихоть!

Повисла тишина, в которой, казалось, было слышно, как долбит мое сердце о грудную клетку. Давид отвернулся от меня к раковине, не спеша достал бутылку из пакета, потом пару бокалов из шкафа. Когда обернулся, у меня будто все остановилось внутри – жизнь, дыхание и сердце.

– Я не знаю всего, что с тобой случилось, Слава, – заговорил он мрачно, – и зачем ты пытаешься убедить себя в том, что ненавидишь меня, в то время как тебя трясет от желания оказаться у меня в руках. Но если не хочешь мне рассказывать правду – заткнись... и садись есть.

Я не стала перечить. Прикрыла расслаблено глаза на се-

кунду и прошла к стулу и растеклась по нему от усталости. Ноги никогда не ныли в каблуках, а тут отозвались таким напряжением, что я не выдержала и тут же стянула туфли.

– Дай вина.

– После еды, – поставил он передо мной тарелку.

Я демонстративно схватила ролл с лососем, запихала в рот... и зажмурилась от удовольствия. Черт, как же вкусно! Сколько я не могла это себе позволить? Долго. Даже не заметила, как он поставил мне бокал с вином.

– Чай сразу?

– Угу, – промычала.

Не нужен мне чай, но заставить мужчину снова отвернуться к разделочному столу очень хотелось. Мне было и спокойней, и тревожней одновременно, когда взгляд упирался в его широкую спину.

– И как у тебя год прошел? – взялась я за бокал.

Я только сейчас вспомнила, как у него на кухне все продумано. Чая с пакетиками там не найдешь. Чайник, разная заварка, чашки разных калибров. Когда мы познакомились, и он привел меня домой, я повадилась заваривать какой-то белый чай в чашке. Давид тогда ни слова не сказал, да и сейчас тоже. Заварил мне того же самого. Это позже я узнала, сколько этот чай стоит, и что его так пить не принято.

– Нормально, – отозвался он. – Даже увлекательно... Я раскопал всю твою жизнь от детского садика до ограбления миллионера Высотского...

– Ох ничего себе! – поболтала я вином в бокале. – И как она тебе? Моя жизнь?

– Я не собирался ее оценивать. – И он поставил чашку передо мной и тарелку с кумкватом. – Я хотел тебя найти.

– Многие хотели, как ты понял, – усмехнулась я.

– Да, – ответил он многозначительной усмешкой.

– И как мы дальше будем? – нарочито бодро поинтересовалась. – Думаешь сделать из меня домохозяйку?

– Я сам неплохо справляюсь с домашним хозяйством.

Он сел рядом, а я только тут заметила, что он и себе сделал чай. Точно такой же, как и мне.

– Этот чай же так не пьют, – заглянула я в его чашку. Он промолчал, наградив меня хмурым взглядом. Видимо, теперь он пьет так. – Ты не сможешь со мной жить, Давид.

– Я просил тебя заткнуться на сегодня, – беззлобно напомнил он, берясь за ручку кружки.

И что-то подсказало, что он уже перетек в ипостась того глухого оборотня, с которым я встретила сегодня. И снова этому способствовала я. Его куртка вдруг показалась неудобной, хотя до этого момента я и не помнила, что сижу в ней.

– В ванную пойдешь? – пристально посмотрел он на меня.

И будто не про ванную спрашивал, а уже совсем про другое. Хотя что тут спрашивать? Я помню, каким голодным он может быть. Но год назад он был чертовски занятым начальником участка. А теперь – год сплошного голода. Уснуть мне сегодня он не даст. Скорее, уложит в обморок.

– Пойду. Хочу тебя смыть.

– Слав, ну почему ты не умеешь быть пушистой и покладистой? – рывком поднялся он. – Иногда это был бы кстати. Всем стало бы легче.

Мое время трепать ему нервы кончилось. Давид забрал недопитый бокал, поставил меня на ноги и дернул пояс своей куртки, который я успела завязать узлом.

– Удобная. Дашь еще поносить? – прошептала и прикрыла глаза, когда он стащил ее с меня.

– Не дам. – Он взялся за молнию джинсов, но уже не с таким голодом и злостью. Сел на мой стул и притянул меня к себе, спуская штаны до самого низа. Я послушно переступила их. Белье было влажным после первого раза, и прохладный воздух неприятно лизнул узкую полоску кружева между ног, но Давид избавился и от него, оставив меня голой.

– И дальше что? Мыть полы? – шепнула я, дрожа, но упрямо усмехаясь: – Сосать?

– Пожалуй, второе заставило бы тебя замолчать надежней, – нахмурился он, глядя на меня снизу так, что и правда захотелось опуститься перед ним на колени и унизиться до конца. Но он унизил гораздо эффективней: – От тебя прет чужим мужиком. Кто он?

– А я разве не сказала? – наиграно удивилась, одновременно пытаясь сглотнуть унижение. – Я замуж выхожу. Маленька все устроила. Ты бы его видел! Красавец, богат, известен...

Дослушивать он не стал. Поднялся рывком, сцапал снoва за шею и повел перед собой в сторону ванной, вынуждая встать на носочки. Там заставил опуститься на колени на коврикe, злобно рыча:

– Еще одно слово – наложу обет молчания. Сможешь только стонать и кричать.

Я сжалась в комок, пока он раздевался и включал воду. Послушно встала, когда подхватил под руку, а потом и на руки. Короткие мгновения в его руках быстро сменились на холод кафеля и мощный поток воды, в который он меня втолкнул. Я отплевывалась, упираясь лбом в стекло, пока озверевший ведьмак натирал меня мочалкой до боли.

– Больно! – хрипло выдохнула на его нажим между лопаток, нарушая запрет.

Давид смягчил гнев, но следом напугал, рывком отдирая меня от стекла и прижимая к себе. Руки заскользили по коже быстро, жадно, подчиняюще. Мочалка исчезла, и его ладонь легла на голую грудь, сжимая и задевая кончиками пальцев чувствительные вершинки. Вторую руку он убрал от горла и по-хозяйски запустил между ног, вынуждая дернуться и сильнее вжаться в его бедра. Я едва успела выставить руки и упереться в стенку, прежде чем он вошел в меня, и ноги подкосились.

Я искала его в других мужчинах. Сначала. Безжалостно игралась с чужими чувствами, не подпуская никого ближе, чем был он. Никто не мог с ним сравниться. Меня не устра-

ивал ни голос, ни запах, ни чужой взгляд. Чертов оборотень не просто залез под кожу... Он сделал со мной что-то, что обезоружило, выбило почву из-под ног...

Ладно, он меня выбрал, и не может по-другому. Но я? Как это все произошло со мной? И теперь меня рвало от противоречий. Хотелось брать то, что никогда не было и не будет моим. Бежать и снова сдаваться, сопротивляясь до последнего...

Я впивалась пальцами в холодный кафель, пытаюсь хоть немного зацепиться за реальность, но выходило плохо. Давид сводил с ума каждым движением. Не жалел, жестко ударяясь своими бедрами о мои и двигался все быстрее. Острые капли лупили нещадно по коже, играли реквием на позвонках и обжигали чувствительные ягодицы, обостряя ощущения до предела. Я сжималась внутри, насколько могла, чтобы сдерживать напор мужчины, но он лишь с упоением вжимался в шею жесткими губами, вынуждая каждую минуту ожидать укуса. И я была бы рада, если бы уже укусил... но он изматывал ожиданием и заводил все сильнее.

– Не надо, – прошептала в отчаянии, но слова поглотил шелест воды. – Пожалуйста... Пожалуйста...

...не останавливайся.

Его жесткие пальцы и рычание поставили точку в его удовольствии и мои нервы на дыбы. Я попыталась рвануться из его рук, но он только сильнее вжал в себя, едва не задушив.

– Никогда так не делай, – зарычал на ухо, ослабляя пальцы

на горле, но следом нежно огладил и прижал к себе, замирая.

А до меня дошло, что мне все время хочется сделать – вывести его за грань, чтобы он натворил столько же непоправимого, сколько и я...

Глава 2

Никогда раньше не испытывал такого удовольствия...

Расслабление катилось горячей волной по телу, наполняя тяжестью каждую мышцу. Вода размеренно шелестела на фоне быстрого дыхания женщины в моих руках. Зверь сыто ворочался в груди, но доволен раскладом не был. Он знал, что у нее могли быть мужчины уже после того, как она стала избранной. И хотел за это убить.

А еще он знал, что она защищена сейчас противозачаточным имплантом. Я нашел его у нее под лопаткой – едва заметный шрам и бугорок на коже. Оставалось надеяться, что Слава не истреplet мне нервы настолько, что я не смогу и дальше ограничивать своего зверя в действии.

Она выпрашивает прощения противоположным способом. Вынуждает зверя во мне срываться. Да и человек тоже на грани... Боль у нее внутри настолько велика, что ведьма подсознательно делает все, чтобы себе помочь... как может. А я настолько зол, что не могу пока принять ее со всем, что она набегала за этот год.

– Ну и как, сравнила? – притянул ее к себе за горло, поднимая ее лицо к струям воды. Она открыла рот, чтобы не захлебнуться, а мне и не нужен был ее ответ. Злость била по рукам, и они дрожали от напряжения. – Я лучше?

– Ты неподражаем, – усмехнулась она зло и закашлялась,

хватая воздух.

Я последний раз вжался в нее, пытаюсь совладать с неумным голодом. Плохо, что во время секса я теряю контроль... Я вообще с ней терял его постоянно. Но так нельзя. Должен кто-то из нас оставаться в себе, иначе все кончится быстро и плохо.

Я вытянул Славу из душа и поставил на коврик. Пока доставал полотенца, она закрутила мокрые волосы на макушке – жест машинальный, привычный, но до боли выдрессированный. Не замечал его раньше. Или не придавал значения.

– Тебя мама мыла в детстве? – накинул ей на плечи полотенце. – Грозила волосы обрезать, что ли?

Ведьма глянула на меня растерянно – не успела спрятать эмоции за усмешкой.

– Всех мамы в детстве мыли, – передернула она плечами.

– Но только твоя грозилась побрить налысо, – утвердительно заявил я. – Если что?

– Ничего, – съежилась она в полотенце, становясь маленькой и уязвимой.

– Если что, Слава? – раздраженно потребовал, заглядывая ей в глаза. – Давай вломи ее. Ты уже все сделала для нее, что могла. Она, видимо, тоже.

– Если мешать будут, – процедила ведьма, хмурясь. – В глаза лезть. Или облеплять после ванной спину и не давать ей меня вытирать. Она терла тогда вместе с волосами.

– Смотрю, любила тебя до боли, – покачал я головой.

– Я сама виновата. Надо было остричь, но я назло ей носила волосы до задницы, чтобы раздражали ее сильнее...

– Зато чувства она хоть какие-то проявляла, да?

– Ты что, лечить меня собрался?

И на ее губах снова расцвела усмешка, обесценивающая ее чувства и эмоции.

– Да, я хочу тебе помочь. Ты мне нужна. – И я распустил осторожно ее волосы, которые она собрала в пучок, и распределил по спине. – Чаю?

Слава тяжело сглотнула, часто дыша, а я посторонился, кивая ей на выход. Но она не двинулась с места:

– Можно мне тут уединиться? – заморгала часто.

– Можно.

Не хотелось оставлять ее одну, но варианта не было. Я вернулся в кухню и занял руки приготовлением новой чашки чая для нее. За окном уже светало, но вряд ли кто-то из нас способен сегодня уснуть.

Слава вскоре вышла из ванной. Волосы расчесаны и распущены, а на коже россыпью расцвели следы от моих зубов и пальцев. Шея, плечи... если содрать полотенце, там окажется целая дорожная карта с кульминацией на ягодицах. Ну что поделать... Могло быть гораздо хуже.

– Меня тебе не оставят, Давид, – холодно заявила, усаживаясь на стул. – Утром ко мне припрется мать с персоналом для подготовки меня к пышной свадьбе... Поэтому, если хочешь еще – можем успеть пару раз...

– Так свадьба сегодня? – обернулся я от чайника.

Удивила. Я подхватил чашку и поставил перед ней вместе с кумкватом.

– Сахара дай. И чай хочу черный.

– Не наглей.

– Запомнишь меня тварью – легче будет забыть, – вздернула ведьма бровь.

– Я тебя разочарую – мы все с тобой успеем. Поэтому не стоит выполнять пятилетний план по доведению меня до озверения за одну ночь.

– Высшим плевать на твое звериное право, – даже с каким-то сожалением возразила она. – Твоя брачная метка ничего не значит.

– А куда ты тогда собиралась сегодня ночью? – оперся я локтями на стол перед ней.

– Сбежать, конечно, – пожала она плечами. – На черта мне эта свадьба? Подай варенье, будь добр. Я ходить не могу. Ты – зверь, Горький... Отодрать меня так перед бракосочетанием!

Вот коза! А я же повелся, что она и правда хотела замуж! Сложно было не подать виду, что меня отпустило, но я расслабленно усмехнулся, отворачиваясь к разделочному столу за банкой.

– То есть твоя семейка думает, что ты где-то ночуешь в ожидании счастливого дня? – вернулся я и поставил перед ней банку.

– Открой, – глянула она на меня, посасывая чайную ложку.

– Слав, выключай сердцеедку, – усмехнулся я зло и крутанул плотную крышку. – Во мне уже нечего жрать...

– Давид, я хочу тебя раздражать, – улыбнулась она и запустила ложку в варенье. – Может, ты, конечно, привык, что девчонки всегда хотят тебе понравиться...

– Может. Но ты не хотела. Ты хотела сбежать, как только я закрыл за тобой двери своего кабинета в первую встречу.

– Хотела, – посерьезнела она и опустила взгляд. – Не представляешь, как я жалею, что ты тогда вышел из кабинета раньше, чем я решилась бросить мать одну расхлебывать все...

– Ты дашь против нее показания, – припечатал я.

– Нет, – мотнула она головой.

Но слабину я почувствовал. Видимо, перспектива ее где-то очень глубоко грела. Но было страшно. Ладно, не все сразу.

– А что там за жених?

– Тебе не по зубам, – отрезала она. – Тебе вообще все не по зубам, Горький. Поэтому давай еще пару раз... и беги. Потому что за мою попорченную шкурку тебя четвертуют. – Я вздернул бровь и усмехнулся. Она правда переживала за меня. – Ну что ты ухмыляешься? – разлилась Слава, бросая ложку на стол. – Я серьезно! Мой будущий муж – глава межведомственной инспекции!

– Вот как? – оскалился я. – Слава, даже не знаю, хорошо или плохо, что ты всю жизнь ходишь по ту сторону закона и не имеешь с ним дел...

– Ну удиви меня, – сложила она руки на груди.

– Делать мне нечего больше в четыре утра, – нахмурился я. – Могу только выдать спойлер – ты не денешься от меня никуда.

Она пристально посмотрела мне в глаза и вдруг подалась вперед, понижая голос:

– Может, уедем вместе?

Настоящая, прежняя... уязвимая и испуганная.

– Нет, – отрезал я безжалостно.

– Гордость?

– Привычка встречать трудности лицом к лицу. Не все они настолько непреодолимы, чтобы от них бежать, Слава.

Ведьма растерянно заморгала, выпрямляясь. А я понял, что снова не могу терпеть. И не буду. Я шагнул к ней, сгреб в руки и понес в спальню. Хочу, чтобы и там все пахло сексом с ней. Хочу, чтобы каждый уголок в доме зазвенел от моего вожделения и ее крика.

Я бросил ее в центр кровати и сдернул с нее полотенце, оставляя ее голой и незащитной. Похудела. Но стала еще соблазнительнее. От мысли, что кто-то ее трахал, срывало с катушек.

– Я убить тебя хочу, – склонился к ней. – За то, что не вернулась. За то, что позволяла пользоваться собой... Сколько

мужиков у тебя было после меня?

– Ты правда хочешь знать? – обхватила она меня за шею.

– Нет.

И я схватил ее за горло и вцепился зубами в метку, вынуждая ведьму дрогнуть и испуганно задержаться подо мной. Приходилось себе напоминать, что она не планировала попадать снова в мои руки. Что не считала себя принадлежащей мне, а я не успел еще ничего потребовать. Да, ставил метки, но не присваивал. Если признаваться себе до конца, то я надеялся, что меня отпустит. Это страшно, когда женщина так нравится и сводит зверя с ума, вынуждая желать всего. Я рассчитывал насытиться и уж потом решать, что делать с ведьмой.

Но я выучил урок. Придется и ей.

В этот раз я смотрел ей в глаза. Медленно заполнил ее, глядя ей в глаза, и только потом позволил запрокинуть голову и подставить мне шею. Я не спешил больше. Не было необходимости. Будет время объяснить ей, кому она теперь принадлежит и с кем теперь будет спать. Мне нравилось, как ведьма кусает губы, пытаюсь сдержать стон, как впивается пальцами в простынь и как дрожат ее ресницы.

Я быстро вынудил ее сдаться. Уселся рядом и, подхватив под бедра, насадил ее на себя. О да! Как же я скучал по ее крику в моей спальне! А обрывки моего имени с ее обезвоженных губ и сжатые колени на плечах – лучшее, что со мной здесь происходило! Хотелось помучить Славу, заста-

вить умолять и выпрашивать большего... Но я не стал. Как только по ее животу прошла первая дрожь, добавил ласки пальцами, и она сжала ноги сильнее, послушно пульсируя и проливаясь мне на руку. Заканчивать пришлось практически без ее участия. Вымотал я ведьму качественно.

– Не могу больше, – только и смогла промычать она, когда я выпустил ее бедра.

По коже прошла волна мурашек, и ведьма съежилась, подтягивая колени к груди.

– Хочешь чего-нибудь?

– Чай там остыл...

Я протер лицо и поднялся с кровати:

– Замерзла?

– Я же не медведь, Горький, – тихо язвила Слава.

Пока она допивала чай, я вытащил из шкафа плед. Вид замотанной в кокон ведьмы пустил, наконец, по телу забытое тепло. Кажется, она уснула сразу же, а я забрал чашку с пола, отнес в кухню и перевел взгляд на стол. На губы выползла усмешка. Настоящая Слава была даже лучше той, которой она пыталась казаться год назад.

– Кумкват, – покачал я головой и протянул руку к тарелке.

Стоило его разжевать, язык защипало от непривычной смеси сладкого эфирного масла и кислой сердцевинки. Необычно. А у моей ведьмы причудливый вкус! И действительно – вкусно было запивать это все горячим чаем. Не знаю, сколько я так простоял в кухне с чашкой и кумкватом.

За окном уже посветлело, когда издалека донесся шум приближавшегося автомобиля. Я тихо прошел в спальню, надел джинсы и вышел на крыльцо как раз, когда у калитки раздались стук двери и шаги. Двигатель заглушили.

Забор у меня был не то чтобы низкий, но высоким людям и нелюдям несложно встать на цыпочки и увидеть то, что происходит на веранде. Пришлица, а это была именно «она», судя по парфюму, долетевшему до меня прежде, чем над забором показалась ее светлая макушка, увидела меня, и ее ноздри гневно затрепетали:

– Открывай!

Требовательный тон позабавил.

– Ты кто? – усмехнулся я.

– Подруга Стаси! Открывай! Где она?

– А имя у подруги Стаси есть? – шагнул я с крыльца по дорожке.

– Сюзанна, – недовольно процедила худая блондинка, стоявшая за калиткой.

В серебристой шубке, строгой узкой юбке и лакированных сапожках она могла бы показаться весьма обеспеченной москвичкой на дорогой тачке немалых размеров.

– Русалки ко мне редко заплывают, – оскалился я, преграждая ей путь во двор.

– Слышь, ты, оперуполномоченный, – перешла она к угрозам, вздернув тонкий нос. – Я тебя предупреждаю: не отдашь мне сейчас Стасю, от тебя останется только «моченный».

– Наслышан о ваших способностях, – кивнул я. – Если бы ты еще вчера предложила свои услуги, я был бы на грани согласиться. Но сейчас – нет. И Стасю я тебе не отдам. Слишком долго я ее искал.

– Вот это совпадение! Я тоже ее год искала! И тоже не желаю терять, – сложила она руки на груди. – Что делать-то будем?

– Что угодно, только не будить, – поднял ладони примирительно. – Она спит.

– Откуда мне знать?.. – начала было русалка недоверчиво.

– Ну так пойди посмотри, – повел я рукой, приглашая войти.

– Если ты думаешь, что я не смогу за себя постоять... – начала было недовольно она, но я только закатил глаза и направился в дом.

– Лающая русалка не кусает – так у нас говорят. Стоять за себя тебе не придется. Если первая не полезешь.

Она стучала следом на каблуках:

– Я просто не хочу войны!

– Так и я не хочу. Слава спит. Можешь убедиться и ехать домой.

– Не держи меня за дуру, а?! – взвилась нечисть позади. – Ты ее похитил! Зубы не заговаривай!

– Не твое это дело. – Я обернулся у двери в дом. – И отчитываться перед тобой я не буду. Но и войны тоже не хочу. Если ты ее подруга – так и оставайся ей. Не много вокруг

Славки друзей водилось последний год, как я посмотрю.

Наши взгляды встретились, и ее согласно дрогнул.

– Ну и что ты намерен делать?

– Холить, лелеять... Она – моя избранная. И прекрасно об этом знает.

– А то, что не просит она этой избранности? – Русалка уперла руки в боки.

– А чего просит? – потребовал я, хмуро глядя ей в лицо. – Замуж за инспектора? Жизни в бегах? Любимую мамочку, которая окунула дочку в дело по уши, и теперь ей тюрьма грозит? Я – ее единственный шанс не сесть. Никуда.

Русалка закатила воспаленные глаза к небу:

– Тебе стоило дать ей уехать. Если действительно желаешь ей добра...

– Сбежать? – усмехнулся я. – Ты серьезно? Бегать всю жизнь – это добро?

– Но если уже ничего не сделать!

– Сделать, – перебил я ее. – Если не можешь ей помочь – просто не мешай тому, кто может.

– Ну и какой у тебя план? – нахохлилась она.

– Кофе могу сделать. Будешь? – Нечисть сжала узкие бледные губы в полоску, но согласно кивнула. – Только тихо, – предупредил я.

– Да поняла я! – взвилась она шепотом.

– Сапоги сними.

– Уже!

Я прошел к спальне и закрыл двери под напряженный взгляд русалки. Та вздохнула напряженно, но послушно последовала за мной в кухню.

– Рассказывай, что знаешь, – приказал я, отодвигая для нее стул.

Та вздернула тонкую светлую бровь, зло усмехаясь. Глаза ее потемнели. Чернота поползла от радужки на белки, будто кто-то капнул на них чернила. Жуткое зрелище. Я не стал досматривать, отвернувшись к кофеварке:

– Не напрягайся. Я должен знать как можно больше.

Хотя будь я на месте гостьи и с ее убеждениями на мой счет, пришел бы к выводу, что проще завалить мешающий объект. Но тут все зависит от привязанности Сюзанны к Славе, потому что убить меня непросто, да и потом хлопот не оберешься.

Видимо, русалка пришла к таким же выводам.

– Я год ее не видала, – услышал я. – Она просто пропала. И мать ее тоже не знала, куда именно. Ну, с ее слов, по крайней мере.

Когда я обернулся с чашкой, Сюзанна сидела уже с нормальными глазами.

– Ничего я о ней не знаю такого, что бы тебе помогло.

– А с замужеством как вышло?

– Тут просто все, – вздохнула она. – Дай соли, пожалуйста.

Уже не успею позавтракать, придется мчать на работу сразу.

Я достал тарелку, единственную пачку розовой соли, лож-

ку и поставил это все перед ней.

– Спасибо.

– Ты рассказывай, – напомнил я.

Просто так наблюдать процесс поедания соли ложкой в своей кухне я не собирался. Русалка бросила одну в кофе и принялась размешивать:

– Мать устроила Стаське выгодное замужество. Но то, что это просто очередная подстава – не сомневаюсь. У Стаси не стало дара. А я думаю, что мать продала ее как вполне функционирующую вещь, понимаешь? Значит, выгода там какая-то быстрая. Она отдает дочь, а ей что-то дают сразу. Потому что когда инспектор поймет, что ведьмин дар на нем не работает, страшно представить, что будет...

Сюзанна не воспользовалась тарелкой. Отпила кофе и запустила ложку прямо в банку соли.

– Ее дар разве работает на ком-то, кроме нее самой?

– Если заставить ее захотеть то же благо...

Она задумчиво посмотрела на меня и облизала ложку. Издевалась. Знак неприятный, но в целом хороший. Бессильная злоба русалки говорит о том, что сильной она не располагает. Но это не точно.

– ...Тебя вот она обвела вокруг пальца ради матери. Я говорила ей тогда не лезть, но это же мать. – Русалка скривилась, качая головой. – Мне теплокровных в этом вопросе сложно понять, ты же знаешь...

Это точно. У хладнокровных с чувствами проблема. Они

привязываются очень редко. А родителей любят и того реже.

– ...Я бы скорее переломала ей ноги, чтобы она никуда не пошла, а потом с любовью реабилитировала... – И она виновато мне улыbnулась. – Я хирург-травматолог.

Просто дурдом какой-то. Как Славу угораздило подружиться с этой психопаткой? Русалки были такими через одну. Болезненные привязанности, ревность, преследования. У меня только за последний год четыре дела с их участием. А скольких их жертв не нашли вообще – сложно сказать. Этим надежно утопить ничего не стоит.

Славина дружба с русалкой меня беспокоила. Она не могла не знать, что привязанность русалки опасна. Что это? Надежная гарантия, что тебя избавят от страданий с любовью? Или ей хотелось чувств хоть от этой холодной рыбины? Предполагать можно много всего, но здоровой такую дружбу все равно не назовешь.

– Еще есть чем поделиться?

– Ты ее угробишь, опер. – Сюзанна запустила палец в соль и облизала. – Твои методы слишком грубые для такой нежной девочки, как Слава.

– Нежно топить я не умею – это да. Мне проще грубо принуждать жить.

– С тобой, – оскалилась она и кивнула в сторону спальни. – Поговорить дашь с ней?

– Нет.

– И встречаться ей ни с кем не позволишь?

– Сюзанна, я не собираюсь сажать ее на привязь. Выспитесь и захочет к тебе – отвезу.

– Она же замуж сегодня должна выходить. – Русалка отодвинула соль и поднялась. – И неизвестно, чем этот ваш день закончится. Но я рада была с тобой поболтать. Хотя с большим удовольствием поболтала бы тобой где-нибудь в безымянной речке в Подмоскovie.

– Взаимно, – усмехнулся я. – До встречи. Дорогу найдешь?

Она развернулась и направилась к выходу. А я дождался, когда звук двигателя затихнет вдаль, и устало опустил плечи. Мне привычно не спать сутками. Заварив себе бодрящего чая, я тихо сходил в спальню, убедился, что моя ведьма спокойно спит, вытащил ее мобильный из кармана джинсов, брошенных в углу в кухне, и уселся за стол.

Шесть утра. Когда чай почти закончился, мобильный у Славы ожил. Подпись у входящего значилась лаконично и черство: «мать». На второй входящий от нее я ответил:

– Горький. Слушаю.

Последовала долгая пауза.

– Кто? – тихо отозвалась, наконец, «мать». – Где Слава?

– Спит.

– Вы кто?

– Тот самый опер, под которого вы год назад подложили дочь ради вещдоков по вашему делу.

Я поднялся и не спеша направился к окну.

– Не понимаю, о чем вы. Где моя дочь?

– У меня. Она не желает замуж за вашего кандидата. Вы в курсе?

– Дай трубку моей дочери! – ударилась в истерику женщина.

– Спит она.

– Я даю тебе час, понял? – прошипела собеседница в трубку. – Если Станислава не вернется в квартиру и не начнет готовиться...

– Не вернется и не начнет, – перебил я.

– ...я тебя закопаю, понял?! – завизжала ведьма. – Заживо! Но сначала ты лишишься всего, что тебе дорого! А потом будешь сдыхать! Медленно...

От сиплого голоса я только неприязненно поморщился.

– Не надорвитесь от стараний, – усмехнулся. – Вам еще улыбаться мне, когда придет время поздравлять дочь с замужеством.

Она что-то еще плевала в ответ, но я отбил звонок.

– Веселишься? – послышалось хрипкое позади.

– Не очень. – Я обернулся к сонной взъерошенной ведьме от окна и убрал ее мобильный в карман.

Слава стояла на пороге в моей футболке, под которой вряд ли что-то было – белье валялось в кухне на полу.

– Откуда в тебе столько уверенности, что тебя не убьют сегодня до обеда? – поинтересовалась она сонно.

– Тебе надо было год назад об этом спросить.

Я направился к столу и принялся убирать завтрак русалки. Подхватил пачку соли, сгреб в нее горсть крупинок и понес к мусорке.

– Сюзанна приезжала? – озадаченно нахмурилась Слава, проследив за мной. – Надо же. И ты жив? Действительно, потенциал есть... Может, тогда поужинаем где-нибудь? Свадьбу отметим. А то у меня все не по-человечески.

– И это понятно.

– Давид, а мы точно юридически ничего не должны оформить? Может, хоть какая-то мне выгода будет от брака с тобой, если тебя прибьют все же?

– Тогда придется выйти за меня замуж по всем законам. Пойдешь?

– А ты предложение сделаешь нормально?

– Сделаю.

Слава восхищенно усмехнулась, пряча растерянность.

– Ты безумец, Давид. – Она опустилась на стул и уязвимо сложила ладони между коленей. – Что мама?

– А то ты ее не знаешь. – Хотел усмехнуться, но вдруг понял, что устал. И чай не помогает. – А подруга у тебя занятая...

– Я не в том возрасте, чтобы папочка меня журил за неправильных друзей...

Я не стал говорить, что ведет она себя так, будто в том самом возрасте. Просто смотрел на нее. Как злится, как мечется от того, что не знает, что будет сегодня, завтра и даль-

ше. Но здесь я разберусь быстро, хоть и приятно не будет. Осталось дожидаться семи утра, чтобы сделать один важный звонок. А потом собраться и проехаться за город.

Я даже не сразу обратил внимание, что Слава испытывает меня взглядом.

– Сюзанна хорошая, – серьезно заявила она. – Если хочешь со мной жить, пусть и недолго, начинай мне верить. Я тоже не подарок.

– И почему ты год с ней не виделась?

– Давид, делай завтрак уже! – гневно глянула она на меня. Я скривил уголки губ:

– Сама делай.

Ведьма предсказуемо подорвалась со стула и прошлепала к холодильнику. А я не отказал себе в удовольствии опустить взгляд ниже линии моей футболки на ней. Ведьма боялась тех, от кого бежала ночью. Я – нет. Мне плевать, какого полета там ее тюремщики. Да – повоюю. Да – будут проблемы, и немало. Но никто ее у меня не заберет. Не только у ее матери связи.

– Что будешь? – отозвалась она от холодильника.

Но вместо ответа у меня из глотки вырвалось рычание. Хорошо забывать, что я оборотень. Удобно строить планы, встречать недругов в кухне и принимать от них звонки... Но зверюга напомнит о себе в неподходящий момент. Хотя почему не подходящий?

Я в два шага оказался позади Славы, положил ладони ей

на бедра и притянул ее к себе. Она испуганно всхлипнула, но я уже отдался звериным импульсам. Вжал ее в разделочный стол и медленно задрал футболку, с рычанием оголяя ее бедра.

– Тебе не идет быть медведем. . .

Слава выгнулась, но я видел, как она сжала пальцы на столешнице до побелевших костяшек. И все равно утро показалось хорошим. Кухня разве что не пылала остовом наших ночных пикировок, и на всем этом пепелище медленно насадить свою несговорчивую ведьму на член оказалось столь желанным, что я едва не забыл о том, что предстояло. Зверь требовал медового месяца. Когда можно только бесконечно сдаваться искушению с перерывами на сон, еду и прочие прелести. Да и мне бы не помешал отпуск. Но только не со Славой. Мне иногда казалось, что для нее истинно-лучшее место – камера. И хоть я и собирался всячески ее от решетки оттаскивать, она будет искушать судьбу.

Прямо как сейчас, когда вдруг дернулась, добиваясь, чтобы я выскользнул, но следом впечатал ее в столешницу сильнее и схватил за горло.

– Любишь пожестче? – потребовал я и вернул ее задницу с размаху на место, делая самому себе больно. Слава тоже вскрикнула, сжимая ноги, и вместе мы замерли, слившись в одно целое. Захотелось добавить остроты раннему завтраку. Но не хотелось быть зверем, дерущим девочку с голодухи. Я опустил свободную руку между ее ног и медленно двинул

бедрами, собираясь достигнуть ее предела.

– А теперь рассказывай... – Так я еще никого не допрашивал. – Что там было в документах?

Мои пальцы кружили вокруг напряженной плоти, временами упруго вздрагивающей под ними. Слава все сильнее сжималась, и в голове мутнело. Я подтянул ее к себе за шею и добавил жара легким укусом в метку. Ведьма заскулила и попробовала лечь на столешницу животом, но я не позволил. Кухня наполнилась правильными звуками ударов моего тела о ее. А потом я плавно перешел к экзорцизму.

– Давай, Слава... Что там ты утащила?

Я задвигался быстрее, потирая ее пальцами между ног.

– Пошел к черту, – простонала она, впиваясь ноготками мне в запястья.

– Пойду, – прошептал в ее мокрый висок. – Обязательно...

Я вышел из нее и развернул к себе лицом, тут же подхватил под бедра и усадил на столешницу. Она только удивленно открыла рот, откидываясь назад, но я ухватил за края футболки и сдернул ее через голову, оставляя ведьму голышом. Вид ее груди, плоский мокрый живот и аккуратный треугольник темных волос внизу живота перехватывал дыхание. Я подхватил Славу под бедра и медленно насадил на себя, наслаждаясь ее беспомощностью. Все, что она могла – опираться на руки позади и следовать за моим ритмом. Шлепки стали звонче, крик ведьмы ярче. Она кусала губы,

запрокинув голову, и пыталась сжать ноги, а я наслаждался тем, что видел. Ведьма текла, и запах ее желания все же сломал мою идею вытрясти что-то из нее, кроме оргазма. Допрашивать ее нужно по-другому.

Мы кончили почти одновременно. Вид ее дрожащего лона добил меня, и я последовал за ней, будто на поводке.

Допросил, ничего не скажешь. Это ей впору из меня веревки вить. Только ей оно не нужно.

Слава попыталась вырваться, но я не дал. Усадил ее на себя и понес в душ.

– Не знаю я, что там было, – вдруг прошептала она, обняв меня за шею. – Я не идиотка, Горький. Вернее, идиотка, конечно, но добавлять себе проблем не собиралась. Я передала опечатанный конверт матери. И я не могу давать показания против нее, потому что ничего не знаю.

– А чего ж тогда отказывалась?

Я вошел в душевую и осторожно опустил ведьму на ноги. Она пошатнулась и нервно дернулась:

– Просто чтобы позлить! Поспать можно еще пойти?

– Не сразу. Сначала сделаем регистрацию брака.

– Ты про колено и предложение не забыл?

– Не забыл.

– Тогда оставь меня одну, Давид. У меня тут дела.

Глава 3

Представляла ли я себе когда-либо свою свадьбу? Кажется, когда мне было лет пять. Я влюбилась в мальчика из ясельной группы. А то, как он посасывал постоянно большой палец, казалось мне очень мужественным. То есть уже тогда было понятно, что мужчин я выбирать не умею. Глядя, как избранник носится с мальчишками по территории садика, я представляла, как он непременно берет меня замуж, и я жду его домой. Мне было важно, чтобы он приходил домой. Потому что к нам с мамой никто не приходил. Мы были одни.

Когда Давид вышел, я добавила воде температуру и прикрыла глаза. Было страшно. Я боялась мать. Черт знает этого Горького и что он ей наговорил. И почему он такой спокойный. Но я ловила себя на желании спрятаться за ним. Я устала. У меня не было дома. Не было того, кто бы ждал и – тем более – мог защитить. Это страшно, когда смотришь в глаза родному человеку и не видишь там ничего, что было бы про тебя. Я так долго искала в глазах матери что-то важное, что объяснило бы все. Как она так спокойно разменяла меня по мелочам? На спасение от тюрьмы, на выгодную сделку с инспектором...

Показалось, что Давид снова с кем-то говорит, и я поспешила выключить воду и выйти из душа. Он как раз отложил мой мобильный на окно и замер ко мне спиной.

– Кто на этот раз?

– Твой бывший инспектор.

– Он не мой инспектор. – Желания дергать его лишний раз не стало. Может, он прав? И сбегать – не выход... Но где тогда этот выход, я уже не понимала. – Что сказал?

– Я просто коллекционирую угрозы этим утром. Ничего нового. – Давид, наконец, обернулся. – Кофе на столе. Кумкват, роллы... Завтракай, и поедем...

Я подчинилась. Села за стол, взялась за кофе...

– ...Было бы проще, если бы ты все мне рассказала, – вдруг заметил он, когда я надкусила вожделенный ролл с лососем и зажмурилась от удовольствия.

– Угу, – только и смогла промычать.

Но при всем желании сделать ему проще не выйдет. Мне кажется, я онемею, если даже меня опохмелить какими-нибудь препаратами, вынуждающими признаваться в злодеяниях.

Давид явно думал, что я дожую и гряну какими-то новыми колкостями, но я только невозмутимо набила рот и отвела взгляд в окно. За ним ничего не было видно из-за густого тумана.

– Прячешь дом?

– Я люблю возвращаться в него уверенным, что его никто не сжег и не разгромил.

– Ого! Герхард Витович был столь суров в угрозах?

Меня всегда забавляло имя маминого избранника, хотя оно подходило ему вне всяких сомнений. Инспектор Ровар-

ский возраста Давида, наверное, но кто знает наверняка? Порода у него перла из всех пор. Потомственный служащий, наследник великих сил и необъятных перспектив был для многих претенденток мужчиной мечты. То, что общество высших привстало на кончики ушей, когда он объявил о помолвке с безродной ведьмой – отдельное удовольствие. И, видимо, не только для меня. Я особо кандидатом на руку не интересовалась, хотя он и пытался ухаживать нормально: водил меня на свидания в самые лучшие заведения Москвы, дарил украшения, обещал, что я останусь довольной... Даже попробовал это удовольствие доставить, но в самый важный момент я разлеглась под ним тряпичной куклой, и это его, как ни странно, остановило.

Инспектор молча ушел тем вечером, оставив меня в оплаченном люксовом номере гостиницы на кровати одну. И мы месяц почти не виделись. Наверное, ему нужно было рисовать для общества более-менее правдивую картинку нашей с ним истории. Чтобы завидовали, ставили в пример, говорили и обсуждали... И чтобы блеск в моих глазах был неподдельным. Роварский думал, что зажечь его будет просто. Но меня это все перестало интересовать.

Меня даже не уведомляли о ходе подготовки к свадьбе.

А вчера вечером он приехал. Нетрезвый. И пытался снова усадить меня к себе на колени, но уже не старался уговаривать. Если бы не мать, он стал бы первым после Давида. Она просто вломила в мою квартиру, и я впервые пора-

довалась, что у нее есть ключ. Инспектор анонсировал мне фееричную первую брачную ночь, отложив попытки до сегодняшнего вечера, и удалился, извинившись перед матерью.

Когда у Давида зазвонил мобильный, я вздрогнула и разлила кофе по столу. Давид только хмуро глянул, но все внимание его сосредоточилось на звонке.

– Горький... – сурово доложил он в трубку. Я так и замерла от его голоса, как заяц перед удавом. – Да, знаю. Передо мной стоит. – И он вперил в меня взгляд. – Нет, не считаю. Потому что она моя. Да, уверен. Нет, не интересует.

Его сухие ответы, видимо, раздразили кого-то на том конце, потому что даже я услышала громкое:

– Давид Глебович, мы вынуждены заинтересоваться! Потому что на вас пришла заявка из инспекции! Что там у вас произошло?!

– Ну так реагируйте на заявку. – Давид оттолкнулся от окна и направился к раковине. – Да, уверен...

Я тоже отмерла, и мы вдвоем занялись уборкой стола на удивление синхронно: я подхватывала тарелки, он протирал под ними, продолжая слушать что-то гневное.

– ...Нет, сегодня не приеду. У меня регистрация брака.

– Горький! – возопила трубка, но Давиду надоело слушать эту бессильную истерику, и он отбил звонок.

– И? – потребовала я ему в спину, когда он направился с тряпкой к раковине. – Не впечатлили?

– Нет, – коротко ответил он. – Давай надевай каблуки, и

помчали.

Я только закатила глаза и прошла в коридор за чемоданом. Он так и стоял сиротливо у стенки.

Давид направился в комнату. Странно. Я бы на его месте уже перетрясла все шмотки. Но, к счастью, Горький не был мной.

– Перенести чемодан сюда? – донеслось из спальни.

– Откуда мне знать? – проворчала я. – Никто не будет возиться с моим чемоданом, кроме тебя, Давид. А так, может, хоть споткнутся на входе и убьются к чертям...

Я не сразу поняла, что он стоит рядом. Резко потянула чистые джинсы из стопки одежды, а следом, как это часто бывает, вытянула самое неподходящее – несколько особенно дорогих мне нот в плотных обложках. Они рассыпались аккуратно Давиду под ноги. Он поднял одну и удивленно пролистал:

– Ты играешь на каком-то инструменте?

– На пианино. – Я раздраженно принялась укладывать ноты обратно в чемодан.

Было глупо их тащить с собой, но я ничего не могла поделать, цепляясь за эти дорогие сердцу ветхие тетрадки.

– «Времена года» Чайковского?

– Да. – И я вырвала из его рук последнюю тетрадь. – Не трогай.

– Дай посмотреть, – неожиданно попросил он. – Я аккуратно.

– Ты нот не видел? – не позволила я и небрежно бросила тетрадь поверх вещей. Но тут же схватила и принялась бережно укладывать в чемодан.

– Не трудись. Все равно придется распаковывать, – заметил он равнодушно и направился в кухню.

– Я все забываю, что тебя не убьют сегодня, – тихо проворчала, будто был шанс, что оборотень не услышит. И повысила голос: – Мне торжественно одеться?

– Главное, быстро.

Выбрав вещи, я закрылась в спальне. Завернула волосы в высокий небрежный пучок на макушке, надела джинсы, футболку и длинный теплый кардиган крупной вязки. Под него – светло-бежевые лодочки. И выбежала к Давиду на крыльцо.

Горький курил, хмуро глядя на свой туман.

– А солнце у тебя тут бывает?

Он быстро глянул на меня и кивнул в сторону калитки:

– Поехали.

Мне не нравилось, что он нервничал. Нервничать я и сама могла. Но учитывая, что именно Давид приобрел вместе с моим чемоданом, держался он весьма хладнокровно.

– Почему ты нервничаешь? – спросила, когда он завел двигатель.

– У меня все не как у людей.

– А ты бы хотел?

– Да. Иногда хочется спокойствия.

– Но ты не поэтому дергаешься.

– Я не дергаюсь, Слава. Я просто вижу варианты развития событий, и не все они меня устраивают. Например, с матерью твоей что делать?

– К чертям ее, Давид. Запихать в такое место, из которого она не вылезет никогда, – жестко постановила я.

– Сама себе противоречишь.

– А есть варианты?

– Они меня пока что не сильно устраивают. К примеру, это твое признание в том, что ты содействовала... Но дальше может не устроить тебя. Я могу начать судебный процесс, в котором доказываю, что тебя вынудили. Могу добиться условного. А она сядет.

Я напряженно втянула воздух:

– Гарантировано?

– Вполне. Но лучше было бы, конечно, узнать, что было в папке.

– Я хотела откупиться от нее, Давид. Чтобы больше не слышать ее упреков. Думала, сделаю последнее дело для нее, и на этом все. Мне было неважно, что там.

Он только еле заметно покачал головой. Но, стоило выехать на МКАД, нам стало не до разговоров. Я заметила, как Давид плавно давит на педаль газа, сильнее сжимая руль. Одного его взгляда в зеркало заднего вида было достаточно, чтобы понять почему.

– Что там? – задышала я чаще и оглянулась. За нами не отставая пер какой-то черный джип. – Погоня?

– Что-то вроде, – сурово отозвался он, и я почувствовала, как с его пальцев срываются мастерски сплетенные заклятья.

Отдельно от всего это выглядело захватывающе. Но сейчас только сильнее пугало.

Мобильный Давида снова зазвонил, но он и ухом не повел, а спустя несколько резких маневров вдруг вырулил с центральной полосы на очередной съезд и сбавил скорость. Я не могла перестать озираться.

– Не бойся, все нормально, – сообщил.

– Кто это был?

– Инспектор твой, видимо, все связи на крыло поднял.

– Ты так спокойно об этом говоришь! – вырвалось.

– Потому что не вижу повода паниковать. Я сообщу тебе, когда будет можно.

– Давай просто выедем пораньше в следующий раз? Если эта поездка что-то должна решить...

– Я думал, он тебе не нравится, – усмехнулся невозможный оборотень.

– Не нравится! – выпалила я. – Но и участвовать в погонях мне тоже не нравится!

– Ты вела жизнь на острие – и не любишь погони?

Мне нравилось, что он улыбался. Понятия не имела почему, но больше он не переживал. И я тоже расслаблено откинулась на спинку сиденья. За окном мелькали хрущевские пятиэтажки и мрачно-тесные дворики. Никогда не любила Москву осенью. Некстати накатила тоска, и я поежилась.

– Замерзла? – сразу отреагировал Давид.

– Испугалась, Горький! – попыталась изобразить злость на него. Лишь бы он ничего не почувствовал. Черт знает этого мужчину, на что он способен. Мне казалось, стоит ему захотеть по-настоящему, и я расскажу все. – Куда мы едем?

– К одному цыганскому барону.

– Что?! Зачем?!

– Он мне должен.

– Что тебе может быть должен цыганский барон?!

Захотелось выпрыгнуть из машины. К горлу подкатил ком, и я, раскрыв рот, хватала воздух.

– Помощь. – И Давид глянул на меня насторожено: – Что такое, Слава? Ты и цыган московских успела обнести?

– Не знаю я никаких московских цыган! – закатила я глаза. – Просто не люблю их.

– Почему? – допытывался Давид.

– Они через одного ведьмаки. И не любят других ведьм. Ты же должен знать.

– Ну мало ли кто ведьм не любит, – пожал он плечами, все так же не спуская взгляда с дороги, и лишь изредка поглядывая на меня. –оборотни тоже должны не любить.

– Они и не любят, – огрызнулась.

Вскоре дорога вывела за дома и углубилась в светлый лес. Листья лимонного цвета заворуженно шевелились на деревьях, по длинным прядям травы с обеих сторон дороги стелился прозрачный туман, будто был ищейкой Горького и бе-

жал вперед хозяина. Мне показалось, что мы все-таки сбежали. Я даже усмехнулась, когда вдруг из-за очередной трепетной кроны мне в лицо ударил рассветный луч.

Где-то далеко в городе бесились ведьмаки из-за несостоявшейся свадьбы, а я укатила с оборотнем в московские леса к цыганам, чтобы те выдали мне разрешение на прогул собственной свадьбы, не иначе.

– У тебя что, музыки нет никакой? – повернулась я к Давиду.

Он бросил на меня очередной взгляд из-под густых бровей, и дыхание привычно сбилось.

– А что ты любишь слушать?

– Не знаю, – пожалала я плечами. – Давай сборник какой-нибудь поставим. Я могу подключить со своего телефона.

– Ты мобильный у меня выуживаешь? – вздернул он бровь насмешливо.

– Зачем он мне? – ощерилась я. – Ты уже со всеми поговорил. А он у меня надежно запаролен, в него ты не залезешь.

– Слава, мне проще до твоего нутра добраться, – покачал он головой.

– Угрожаешь?

– Нет.

И даже не взглянул на меня.

– Если ты думаешь, что мне было мало – давай добей! – разозлилась я и хлопнула ладонью по парпризу. Давид сбросил скорость и пристально посмотрел на меня, но я уже не

могла остановиться. – Обещай расправу, приворотные зелья или сыворотки правды! Главное, регулярно! Чтобы не ослаблялась!

Горький ударил по тормозам. Гравий захрустел под колесами, а меня кинуло вперед. Я испуганно проследила, как Давид вышел из машины и направился к моей двери. В голове взрывался вопрос – какого ж черта я не могу молчать? Может, слишком долго молчала? А Давид совершенно точно выслушает. Иотреагирует так, как я того заслуживаю. Идеальное наказание!

И к его реакциям я тоже была готова – сжалась, когда он открыл дверцу и вытащил меня наружу. Стоило оказаться в его руках, я задергалась, но вместо десятка ожидаемых вариантов он вдруг прижал к себе и уселся со мной на сиденье. Я опешила от неожиданности, а Давид обнял и уткнулся лбом в висок:

– Прости за вчера, – прошептал хрипло. – Мне жаль, что так все вышло.

Я замерла, еле сглатывая ком, вставший в горле, и сдалась его рукам, прикрывая глаза.

– Ты не виноват, – выдавила сипло.

– Все в чем-то да виноваты. Я знал, что ты не просто так пришла меня соблазнять в участок. Но я был слишком самоуверен. Посчитал тебя маленькой и глупой и решил попользоваться, наказать и выяснить, что тебе от меня надо...

Я усмехнулась обескураженно:

– Да ладно...

– Да, – улыбнулся он грустно. – Но потом забыл...

– Выяснить?

– Да...

А я смотрела на его профиль, и невыносимо хотелось прикоснуться. В горле спазмом сжалось от желания все ему рассказать...

– ...Ты слишком привыкла полагаться на свой дар. – Он будто и не замечал ничего. – Он тебя тогда подвел. Интересно, почему.

– Думаешь, подвел?

– Думаю, да. И ты тоже так думаешь.

– Мой дар никогда не делал меня счастливой, Давид. И никого. Я проклята.

– Проклятий не существует, – улыбнулся он. – Тебя просто не любили те, кто должен был. Где твой отец?

– Откуда мне знать?

То, что он знает, что отца у меня не было, не удивило.

– Мать тебя в садик не водила – я выяснил. Тебя водила няня. И она была цыганкой. Ее поэтому и помнили через столько лет. Дети ее боялись, да и весь персонал тоже. Заведующий просил твою мать приводить тебя самостоятельно, но толку не было...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.